

A book cover featuring a woman with blonde hair holding a baby, and a man in a dark suit looking directly at the camera. The background is a soft, light gray.

16+

Я ТЕБЯ (НЕ) ПОМНЮ

◆ — ◆
ЕЛЕНА КУТУКОВА

Елена Кутукова

Я тебя (не) помню

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67360149

SelfPub; 2022

Аннотация

После неудачной беременности Наташа порвала с прошлым и уехала в другой город, где нашла любовь. Казалось, обратно дороги нет. Но почему тогда ее муж уверен, что ребенок жив? Зачем он разыскивает свою жену? Что ждет ее по ту сторону памяти – долгожданное счастье или горечь предательства?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	38
Глава 6	50
Глава 7	60
Глава 8	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Елена Кутукова

Я тебя (не) помню

Глава 1

Посвящается моей дочери Насте

Я никак не могла насмотреться на нее. На эти глазки с длинными пушистыми ресницами, на эти пальчики с идеальной формой ногтей. Мне никто о таком не рассказывал. Все говорили о бессонных ночах, о синяках под глазами от вечного недосыпа, о бесконечной стирке. Но не о том, что можно часами глазеть на собственную новорожденную дочь, на это маленькое чудо.

Я аккуратно провела рукой по волосам малышки. Моей Аленки.

«Спи, моя сладкая».

В комнату заглянул муж. Из-под щетины видна улыбка. Ему было забавно наблюдать за мной.

– Все еще не можешь насмотреться?

Вздыхнула. Ему не понять. Каждый раз, просыпаясь ночью, я смотрела на кроватку, чтобы проверить, как ребенок. Мне до сих пор не верилось, что все позади. Что прошла беременность с вечной угрозой прерывания, с постоянными синяками и шишками от уколов и капельниц, что уже пере-

житы роды, чуть не унесшие жизни обеих.

Любимый мужчина под боком, а рядом в украшенной балдахинном кроватке сладко спит мой ребенок. И в этот момент я точно знала, что была абсолютно счастлива.

***

Открыть глаза в тихой пустой квартире. С тоской понять, что это был всего лишь сон. До жути реалистичный, но всего лишь сон. С каждым разом от осознания этого становится больше, и хочется лечь в кровать, закрыть глаза и просто погрузиться в себя. Но я уже это проходила, лежала часами, пытаюсь смириться с мыслью, что этого никогда не было. Этого никогда не было, но должно было быть. Можно бесконечно кричать и плакать: почему и за что?! А можно пытаться жить дальше, что я и старалась делать.

Взглянуть на будильник. Еще десять минут до того, как он прозвенит. Впрочем, уже можно собираться на работу. Раньше выйдешь, меньше проведешь времени в пробке.

Черная тушь и черный карандаш, черный юбочный костюм и белая блузка. Черный и белый – цвета моей жизни. Но есть еще и серый: серые стены съёмной квартиры, вечно серое, хмурое небо над головой, серые стены здания офиса, где я теперь работала. Все это так не похоже на родной город и дом. Собственно говоря, даже начальница тоже не могла понять, по каким причинам можно было уехать из солнечного Сочи за несколько тысяч километров, оставить собственное жилье, чтобы жить в съёмном. И активно интересовалась

причинами такого поступка.

– Семейные, – лаконично ответила тогда я, сидя в кабинете.

Я солгала при ответе. Семьи у меня уже не было. Больше не было. Ни любящего мужа, ни ребенка. Я осталась одна на свете. Не лучший ли повод уехать за тридевять земель, чуть ли не на другой край света? Особенно если ты сбежала от своего супруга.

– Наталья, это не повлияет на работу? – Галина Викторовна окинула меня скептическим взглядом, явно думая, что проблемные сотрудники ей не нужны.

– Нет, готова при необходимости задерживаться допоздна.

И даже выбор работы связан с тем, что муж всегда недолюбливал СМИ. Что ж, я всегда мечтала поработать в газете, пусть даже юристом, а не журналистом.

– И в декретный отпуск вы тоже в ближайшее время не собираетесь?

Я вновь помотала головой.

Когда-то я собиралась. Кажется, это было целую жизнь назад. Уже наглаживала дома пеленки, распашонки, обдумывала, какую буду покупать коляску и кроватку. Оставался какой-то месяц до отпуска по беременности и родам, перед которым я собиралась взять обычный ежегодный, чтобы не ходить на работу с большим животом. Но все мои планы рухнули в один день.

На двадцать пятой неделе беременности, когда уже был виден животик, я потеряла ребенка. За день до этого по какой-то иронии судьбы мне сказали, что я жду девочку. Тогда на мониторе я еще видела ее, могла слышать, как бьется ее сердце, а через сутки ее не стало.

Нам не хватило какого-то часа, чтобы спасти ребенка. Хотя бы минут сорока. Если бы скорая приехала, если бы мы ее не ждали... Какое хорошее слово – «если». И сколько бы я об этом ни думала, лежа в больнице, но жизнь не отмотать назад. Есть вещи, которые не исправить.

И если в больнице я считала, что мне было плохо, глубоко ошибалась. Все стало хуже, когда я вышла на работу. Ибо там меня ждали вечные вопросы: «Уже знаешь, кого ждешь? С роддомом определилась?» Я не выдерживала, срывалась, говорила, что уже никого не жду, запиралась в кабинете. Любимая работа не спасала, она превратилась в ад. Косые взгляды, обсуждения, лживые утешения людей, которые никогда не переживали подобное и никогда меня не поймут. «Молодые еще, конечно, попробуйте опять, – говорили они. Со всеми бывает».

«Со всеми бывает», – говорила мне лучшая подруга. Я не верила. Потому что натыкалась на девочек с большими животами, идущих из женской консультации, и их знакомых, которые спрашивали при встрече:

«Ну что, купила коляску? А вещи в роддом собраны?»

Я молча убегала, не в силах их видеть. Хотелось кричать:

«Почему, за что?!»

Я ждала поддержки от супруга, но моих ожиданий он не оправдал. Кирилл, мой идеальный. Кирилл, всегда заботливый и нежный, всегда такой понимающий, заявил, что именно я и виновата в случившемся. Смолчать на такое обвинение я не смогла. Мы оба тогда высказали слишком многое, то, чего не говорили никогда. То, чего наши отношения вынести не смогли.

И Кирилл ушел. Просто хлопнул дверью и ушел.

И, сидя в пустой квартире, я поняла, что так больше не могу. Не могу и не хочу. С меня хватит. Я тоже хочу так хлопнуть дверью и уйти. Уехать, оставить прошлое здесь и все забыть.

Кирилл вернулся в два часа ночи и молча лег спать. От него пахло алкоголем. А я поняла одну простую вещь: вернулся не мой муж, не мой любимый – вернулся знакомый, сожитель, и это надо признать. Прежних чувств и отношений уже не будет, как и семьи и любви.

А на следующий день мне позвонила подруга, и тогда я узнала правду: любви в нашей семье никогда и не было. Я поняла еще более страшную вещь: скорее всего, ребенок не был нужен Кириллу. Он бы удерживал его со мной. Быть может, поэтому муж так не спешил ехать в больницу?! И теперь муж мог получить свободу от опостылевшего брака. Вот только кто сказал, что я собираюсь участвовать в бракоразводном процессе? Нет, спасибо, мне хватило боли.

Боль от потери и ненависть – слишком сильные чувства, чтобы просто так отступить. И я решилась.

Все было достаточно просто. Коробка конфет в отдел кадров, и мне даже не нужно было отрабатывать положенные две недели после написания заявления об увольнении. Через интернет нашла себе квартиру в другом городе за несколько тысяч километров от дома, договорившись с хозяином по телефону, даже без осмотра жилплощади. Удивительно просто для человека, который раньше неделями принимал решения. Оказалось, можно все бросить и просто уехать.

Садясь в самолет, летящий в Новосибирск, я выкинула сим-карту со всеми сохраненными контактами. Потому что хватит с меня сочувственных и псевдосочувственных слов и взглядов. Вот так я и очутилась здесь, в чужом городе, вдали от всего, что любила, чем дорожила. Вдали от всего, что причиняло мне боль.

Глава 2

4 сентября

С работой мне определенно повезло, престижное место, хорошая зарплата и просторный кабинет. Он был рассчитан на двоих. Но моя соседка, рыжеволосая Маша, оказалась выездным работником и, как мне уже рассказал местный сисадмин Виталик перед тем, как пригласить на обед, была редкой гостьей в конторе.

Правда, счастье омрачала коллега, с которой непосредственно мне приходилось работать. Светлана Ивановна была личностью достаточно приятной, доброжелательной и даже немного напоминала мне мою маму. От нее веяло чем-то таким домашним, теплым и уютным. Эта полноватая женщина с короткими выющими каштановыми волосами тут же напоила меня сладким чаем и накормила домашней выпечкой. Нельзя было даже заподозрить, что она мне не рада. Вот только она бесконечно любила поболтать о своих детях, а эта тема была для меня болезненной.

На следующий день я уже готовилась представить начальнице свое первое выполненное задание, поэтому пораньше пришла в приемную. Работа была новой, и там могли быть недочеты.

Ее секретарша – миниатюрная брюнеточка Марина – уже была в приемной и поправляла свой и без того идеальный

макияж, состоящий из черных стрелок и яркой помады, которая ей очень шла. Ей вообще шли яркие вещи, и она была одним из немногих работников, которые могли их совмещать с офисным стилем.

Я вдохнула вкусный аромат кофе, царивший в приемной. На столе у Марины дымилась кружечка этого вкусного напитка.

Увидев меня, Марина тут же прервала свое занятие и спросила:

– Кофе будешь?

Я закивала. От такого напитка грех отказываться, даже если перед этим успел выпить в кабинете чашечку— другую.

Марина тут же повернулась к буфету, что-то взяла и подошла к кофемашине.

– И что привело тебя в такую рань? Твою почту я вчера подписала, девочки должны были передать, – сказала она, передавая мне белоснежную кружку с золотой каемочкой и дымящимся в ней капучино.

Напиток оказался очень вкусным, с нежной, тающей во рту пенкой и приятным терпким вкусом.

– Отчет сделала, – ответила я, расслабившись в кресле и наслаждаясь кофе вприкуску с предложенным девушкой песочным печеньем с джемом.

– Светлана Ивановна не достала? – спросила она, не отрываясь от зеркала.

– Нет, она... – не успела я договорить, как Марина задела

локтем кружку с кофе, и он залил все вокруг, включая бумаги на столе, а также платье и пиджак самой девушки, не успевшей отскочить. В первую очередь Марина принялась спасать свою одежду. Да, не повезло чьим-то документам. Надеюсь, там не было моих.

– Блин, новое платье. Наташ, побудь здесь, я быстро домой сбегаю. Я здесь рядом живу.

– Но за столом же не видно, – попыталась отказаться я.

– Да, а кофе начальнице я как отнесу? Еще и платье светлое. – Брюнетка смотрела на меня умоляющим взглядом из-под черных, густо накрашенных ресниц.

И я согласилась, мысленно ругая себя за это. Никто же мою работу не отменял, но положение у девушки и правда безвыходное.

Марина, как будто чувствуя мои сомнения, сказала:

– Я тебе открою удаленный доступ к твоему компьютеру. Уже одевшись, она бросила фразу через плечо:

– И помни: она любит капучино с двумя ложками сахара. В общем, кофе начальнице придется сегодня нести мне.

Кое-как разобралась с кофемашиной я только к приходу Галины Викторовны.

– Доброе утро. Отчет, как вы и просили, будет в одиннадцать, – предпочла сразу отрапортовать я.

– Марина? – деловито поинтересовалась начальница, снимая пальто.

– Будет через пятнадцать минут, с ней случилась непри-

ятность. Ваш кофе будет через пять.

Галина Викторовна лишь кивнула, скупно выразив надежду на то, что с Мариной ничего серьезного не случилось, и отправилась в себе в кабинет.

Через пять минут я поставила перед ней поднос с кофе, печеньем и конфетами, которые нашла у Марины в буфете. Когда я была уже у выхода, Галина Викторовна сказала:

– Взаимовыручка – это хорошо, Наташа. Я уже думала, что ты не приживешься в коллективе.

Я изумленно приподняла брови, но все же вымолвила:

– Спасибо.

Надо же, меня похвалили.

Секретарши не было полчаса. Я уже начала нервничать, ибо мне приходилось отвечать на звонки вместо того, чтобы заниматься своей работой, на которую у меня оставалось все меньше времени.

Но наконец-то в приемную ворвалась взъерошенная Марина.

– Все нормально? – тут же поинтересовалась она.

Я кивнула. Собственно, именно так мы и начали общаться с Мариной и вместе ходить на обед в уютное кафе, находившееся рядом с офисом. Там подавали самый вкусный кофе, попивая который мы с ней могли проболтать почти весь обеденный перерыв. Говорили обо всем, кроме моего прошлого. Мне не хотелось, чтоб ей было меня жаль, жалость я не любила.

Особенно Марина обожала поговорить о косметике. Как выяснилось, в свое время девушка отучилась на визажиста и даже успела побыть свадебным стилистом, но, к сожалению, не смогла наработать себе постоянную клиентуру и в конце концов предпочла более стабильную работу. Зато всегда была рада накрасить подругу бесплатно. Первый раз, когда я согласилась, я была крайне удивлена размером ее косметички, точнее, чемодана и с некоторым страхом ждала, когда смогу увидеть результат. Но работать и создавать красоту Марина умела. Поэтому я всегда превосходно выглядела благодаря ей. Пожалуй, мечта каждой девушки – иметь подругу визажиста.

Марина, как и я, работала на фирме недавно, но уже все обо всех знала и могла много интересного рассказать. Например, о Маше она знала больше, чем я, но это и неудивительно: расспрашивать соседку у меня времени не было, как и, должна признаться, интереса.

Слишком много было работы. Груды отчетов, документов, различных договоров и соглашений, с которыми нужно было разобраться. Особенно сложно, когда в данной сфере опыта совсем нет. Я делала пометки в тот момент, когда ко мне зашла Светлана Ивановна и швырнула на стол стопку листов.

– Переделывала за тебя. И как можно было столько ошибок допустить?! – Коллега покачала головой.

– Первый блин комом, – ответила я, потянувшись к ис-

правленному договору

– Как первый?– вытаращила она на меня глаза.

– Никогда раньше не работала в этой сфере.

Казалось, женщина изумлялась все больше.

– И как тебя на эту работу-то взяли? Как ты собеседование прошла-то?

– Начальница сказала, что я идеально подхожу.

А вот на этой фразе Светлана Ивановна не удержалась и фыркнула:

– Идеально подходишь? Могла бы раньше сказать, что кто-то из начальства продвинул. Теперь понятно, почему из Сочи приехала: там, наверное, работы мало.

В последней фразе была слышна издевка.

– Да с чего вы это взяли?!

Мне было дико обидно, что меня обвиняли в таком. Я всегда все делала сама: и на первую работу устраивалась сама, без всяких знакомых, сама окончила университет, с красным дипломом к тому же...

Светлана Ивановна, в отличие от меня, оставалась совершенно спокойной и даже слегка улыбалась. Она явно была уверена в своей правоте.

– А с того, Наташ, что Галина Викторовна с опытом только берет. Можешь спросить девушку, которую сейчас замещаешь. Начальница ей в свое время такой допрос устроила... – она оборвала фразу и посмотрела на часы. – Ладно, звони, если что, все равно мне после тебя все приходится переде-

ливать.

Светлана Ивановна вышла из кабинета, а я молча смотрела ей вслед. Было обидно и хотелось разрыдаться, особенно от фразы «все равно переделывать». Но я молча устояла на принесенный ею договор и стала изучать свои ошибки.

Глава 3

Олег Иванов, оперуполномоченный уголовного розыска

22 августа

Я с грустью взглянул на часы, понимая, что мечта вернуться домой вовремя так и останется несбыточной и жена, как всегда, устроит сцену, что все мужья как мужья, по вечерам дома сидят, а не неизвестно где шляются и, вообще-то, ребенку тоже надо уделять внимание. А ведь предупреждал же Катьку, что так будет.

– Рассказываете, что случилось, – сказал я сидящему напротив молодому светловолосому человеку в деловом костюме, Он был бледен и явно нервничал. Впрочем, чему удивляться. Полиция – не то место, куда приходят по хорошим поводам и с хорошими новостями.

– Жена пропала, – сказал он, нервно теребя рукав пиджака.

– Как? Когда? Что произошло? – начал я опрос, приготовившись записывать.

– Сегодня, – мертвым голосом сказал парень, опустив глаза вниз. – Прислала сообщение на телефон, я звонил ей – не отвечает, приезжаю домой – ни ее, ни вещей.

Я облегченно вздохнул и расправил плечи.

– Гражданин Сериков, если она от вас ушла, то это не зна-

чит, что пропала. При чем здесь мы? – Я не удержался от легкой улыбки. И так работы выше крыши, шеф рвет и мечет и готов лично убить каждого за низкие показатели, а тут хотят, чтобы мы еще и семейные дела решали.

– Не могла она уйти, – настаивал на своем мужчина.

Я вздохнул и приготовился к длительному спору. Все-таки я шел на эту работу преступников ловить, а не сбежавших жен возвращать. К сожалению, к нам приходило много людей, уверенных в обратном.

– И что же последнее она вам написала, Кирилл Игоревич?

– Не она это писала, – ответил Сериков, сжимая в руке телефон.

– Если хотите ее найти, вы должны предоставлять всю имеющуюся информацию. Или вы не хотите?

На лице мужчины застыло сомнение, показывать или не показывать сообщение.

Мысленно я уже прикидывал, сколько полезного мог сделать вместо спора с этим непонятым товарищем.

Парень все-таки передал мобильный.

На экране были написано: «Я все знаю. Я от тебя ухожу. Не ищи меня».

Наверное, мои эмоции были написаны у меня на лице, ибо до того, как я успел что-либо произнести он тут же сказал:

– Не изменял я ей, – произнес он, угадав мои мысли. – Я уверен, не она писала.

– И с чего такие выводы? – поинтересовался я, поражаясь комичности ситуации. Все указывало на то, что всерьез поиском заниматься не стоило.

– А с чего бы ей уходить из собственной квартиры? – усталю, с болью в голосе спросил он. – Мне в прощальный подарок ее оставлять? В качестве моральной компенсации?

Я не удержался и потянулся за кружкой с уже давно и безнадежно остывшим кофе и сделал глоток. Холодная жидкость горчила. Если квартира принадлежала пропавшей, это все меняет.

– Может, к родственникам отправилась? – предположил я, сам не особо в это веря, внимательно вглядываясь в лицо заявителя.

– Я единственный ее родственник, – покачал головой Сериков. – Мать и та недавно умерла. Отца уже более десяти лет нет в живых. Наташа была единственным ребенком в семье.

Что означало, что в случае смерти жены Серикову досталась ее квартира. А квартиры в Сочи всегда были в цене. И это навевало очень неприятные мысли.

– Подруги? – спросил я на автомате.

– Подруги, – хмыкнул Кирилл. – Звонил одной, ничего не знает, вроде как разводиться со мною Наташа не собиралась.

– Да, дела, – задумался я, потянувшись за бланками.

– Мне нужно ее найти, – требовательно произнес мужчина, сверля меня взглядом. – Должен быть хоть какой-то спо-

соб. – Сериков сжал краешек стола, чтобы хоть как-то успокоиться. В его голосе было столько мольбы, что я сдался.

– Телефон и выключенный можно отследить, – попытался я его как-то успокоить, в то же время обдумывая, не он ли причастен к исчезновению супруги. Слишком странным все это казалось. – Чем вообще занималась жена? – начал задавать я обычные вопросы.

Со слов заявителя, женаты они с Наташей были почти два года, девушка не работала, а вот у него самого был небольшой, но доходный строительный бизнес, занялся им он сравнительно недавно, всего несколько лет назад. Сложно было удержаться от мысли, что в случае развода его жена могла бы затребовать половину от его успешного предприятия. Вот только зачем тогда настаивать на скором поиске жены и делать такой скорбный вид?

Кирилл также сразу смог предоставить фотографию пропавшей девушки, и даже этим он смог меня удивить. Так как это была фотография, сделанная еще на их свадьбе.

– Наташа не любила фотографироваться, – прокомментировал он.

Слова « не любила» резали слух. Сказано было в прошедшем времени, как будто об уже умершем человеке, я едва не сдержался, чтоб его не поправить.

Я еще раз бросил взгляд на фото. Счастливая стройная девушка в белом платье – традиционном наряде невесты, по-детски наивное лицо, легкие светлые локоны, приятная

улыбка – сама невинность – и, наверное, тонна макияжа.

– Другие фотографии есть?

– Дома.

– Тогда едем к вам, стоит осмотреть квартиру, вы говорили, вещи пропали какие-то.

Я потянулся к телефону, с тоской думая про себя, что попасть домой в нормальное время мне не светит, и позвонил дежурному, чтобы готовил группу на выезд. Сегодня из следователей дежурила молодая, еще не опытная Юленька, только недавно выпустившаяся из университета, до сих пор уверенная, что все в жизни бывает только как в учебнике. Зато экспертом в нашей группе оказался Анатолий – достаточно опытный специалист и очень внимательный, много повидавший в жизни. Поэтому мы молча ехали с ним в машине, пока Юленька бодро выстраивала версии произошедшего и обрисовывала круг задач, а также что-то порой писала у себя в блокноте. Всю дорогу меня не покидало предчувствие чего-то нехорошего, будто я что-то упускал.

В квартире Серикова нас ждало несколько неприятных сюрпризов. Разумеется, никакого бездыханного тела посреди комнаты не было, да и обилия луж крови мы тоже не заметили. Напротив, в квартире был идеальный порядок, начиная от аккуратно сложенных вещей на стеллажах, заканчивая отсутствием грязной посуды в раковине.

Юля сразу попросила Серикова предоставить нам коробку от телефона жены, поскольку на ней был номер, который

мог помочь отследить местоположение. Именно на это я возлагал самые большие надежды. Однако, к нашему всеобщему удивлению, телефон пропавшей оказался в коробке. Юля не смогла удержаться от вопроса:

– Вы уверены, что это телефон вашей супруги?

– Да, – ответил Сериков, обескураженно глядя на найденный аппарат. – Сзади даже царапина есть. Наташа его один раз уронила.

– И что же, по-вашему, он делает здесь?

– Не знаю, – пожал плечами парень. – Обычно она не выпускала телефон из рук.

Юля многозначительно посмотрела на нас.

– Какие-нибудь ценные вещи пропали? Драгоценности, например?

– Нет. Даже обручальное кольцо на месте, – кивнул парень в сторону комода. – Деньги тоже.

Вторым неприятным сюрпризом оказались фотографии, точнее, их полное отсутствие. Весь семейный фотоальбом Кирилл хранил на ноутбуке, вот только, перепроверив компьютер два раза, он не смог их найти. Как и флешку, на которой хранились копии.

– Я поищу, какие-нибудь со времен студенчества Наташи еще сохранились, – пообещал Кирилл.

Я лишь покачал головой. С таким же успехом можно было фотографии со школы использовать, а лучше с яслей.

Юля выразительно посмотрела на меня с немым вопросом

в глазах. Всем было понятно, насколько важны фотографии для поиска. Я лишь покачал головой.

– Может, хотя бы в соцсетях что-то есть? – с надеждой в голосе спросила девушка.

– Мы с женой на подобное время не тратили, – тут же с пылом заявил Кирилл. – Мало ли кто использовал бы потом эту информацию.

Юля заметно приуныла после этой фразы и посмотрела на меня в ожидании идей. Все-таки я был опытнее ее. Но идей, кроме тщательного обыска, у меня не было.

Я решил, что лучше пойти опросить соседей, может, кто видел девушку сегодня или было что-то подозрительное. Бабушки на лавочках достаточно внимательные, когда хотят о чем-то посплетничать.

К сожалению, сегодня Наташу никто не видел. Как выяснилось, ее муж уже успел обезать жильцов ближайших квартир. Оперативный малый.

Разговор с дворником тоже не принес никакой полезной информации. Пожилая женщина лишь поохала, сказала, что девушку сегодня не видела, выразила надежду, что Наташу найдут, и отправилась по своим делам, матеря тех, кто не выкидывает мусор в специально предназначенные баки. Так и не узнав ничего, я не удержался и закурил сигарету, стоя возле подъезда.

Через две минуты ко мне подошел Анатолий.

– Нашел чего-нибудь? – поинтересовался я.

Анатолий тяжело вздохнул и вытер пот со лба, провел рукой по седым усам.

– Следы пятен бурого цвета на ковре, – ответил он сухим рабочим языком.

– Кровь, значит.

– А у хозяина-то еще оружие дома есть. Ружье охотничье. Юля сейчас его по этому поводу спрашивает.

Женщина-дворник продолжала чихвостить нерадивых жителей, бросивших мусор в пакетах у подъезда.

Анатолий попросил сигарету и потянулся прикурить.

– А знаешь, что еще интересное, Олег, – произнес он, сделав затяжку и выдыхая дым. – Детские вещи у мужика тоже пропали.

Я непонимающе посмотрел на коллегу.

– Ребенок ведь тоже пропал. Он от нервов забыл сообщить, что жена вместе с младенцем исчезла.

Дворник продолжала грузить объёмные мусорные пакеты в бак. Один огромный пакет треснул по швам, открывая всем свое содержимое, на асфальт упали несколько погремушек и детская бутылочка.

Мы с коллегой изумленно уставились друг на друга.

Глава 4

Наталья Серикова

12 сентября

Я бежала, бежала что было сил, прижимая к себе свою новорожденную дочь. Тяжело дыша, я бросилась в самую гущу леса. Только бы не споткнуться, только бы не упасть! Ветки деревьев больно били по лицу, но я не обращала на это внимания, нужно было бежать. Каблуки туфель предательски тормозили движения, норовя провалиться в землю. Я в который раз мысленно проклинала себя за такой выбор обуви, но времени снять ее не было, как и возможности отдышаться. Меня догоняли.

Заслышав голоса своих преследователей, я с ужасом поняла, что меня окружили. В панике я рванула вперед, уже не смотря под ноги. Это и стало моей самой большой ошибкой: угодив в яму, я ушибла ногу и едва не уронила малышку. Выбравшись, я поняла, что в таком состоянии далеко не убегу. Это был конец.

Сердце бешено билось, в висках стучала одна мысль: спрятаться, иначе темные тени, люди без лица, найдут нас и заберут мою малышку. Крепче сжать дочь, еще один рывок в сторону какого-то густого колючего куста, нужно где-то затаиться, нужно перестать так часто и громко дышать. Но меня продолжало колотить. Я знала, что они рядом. Я знала,

что они пришли за ней, за моей дочерью.

Я сжала губы, боясь шелохнуться. Колючки больно впились в тело и, что хуже всего, касались ребенка.

Пытаясь унять дрожь, я покрепче прижала к себе малыша, коснулась носом ее пушистых волос, вдохнула такой родной и сладкий запах. Замерев, я пыталась ничем не выдать своего местонахождения, отлично зная, что преследователи уже возле нашего укрытия. Быть может, они не найдут нас? Быть может, нам повезет хотя бы в этот раз? И все закончится хорошо?

Увы, моим мечтам не суждено было сбыться. Малышка захныкала, и так не вовремя! Я пыталась успокоить дочь, но безуспешно. Голодный ребенок только продолжал громче и надрывнее рыдать, и я поняла, что это конец.

Холодный мужской голос произнес:

– Выходите.

Дочка расплакалась еще сильнее, я обняла ее и поцеловала в лобик, ощутив на своих губах нечто соленое. Из моих глаз капали слезы. Я еще раз взглянула в это родное лицо, на эти голубые глазки с бархатистыми ресничками, аккуратненький носик, пухленькие щечки. Я проиграла. Проиграла опять. Я уже знала, что будет. Что, как только я выберусь из укрытия, темная фигура вырвет из моих рук ребенка и моя дочь исчезнет, будто ее никогда и не было. Бесполезно кричать, бесполезно молить, люди-тени не знают жалости, им чуждо сострадание. Меня швырнут на землю и оставят, как

ненужную вещь, – вот и все, чего я добьюсь.

Чужие руки схватили меня за плечи и потащили. Я вцепилась в ребенка, плача от собственной беспомощности. Ее вновь вырвали из моих рук.

Я проснулась вся мокрая, в слезах, тяжело дыша. Я оглядела спальню сквозь слипшиеся ресницы, все еще пытаюсь осознать, что это был лишь ночной кошмар. Страшный сон, в разных вариациях преследовавший меня еще с роддома. Где бы я ни находилась, хоть дома, хоть на прогулке в ботаническом саду, результат всегда был один: ребенка у меня забирали, и я ничего не могла с этим поделать.

Я села на кровать и поджала колени к груди. Меня до сих пор била дрожь. Слишком реальным было мое сновидение: бегство, преследователи, ребенок. Я тяжело вздохнула. С этой болью я должна была давно смириться, но не получалось. Сны упорно преследовали меня.

И даже мое понимание, что у меня теперь новая жизнь, от них не спасало.

Престижная работа, перспективы карьерного роста, личная жизнь. Насчет последнего я невесело хмыкнула. Не знаю, подходила ли эта невнятная история знакомства под понятие личной жизни хоть отдаленно.

На душе тогда было тоскливо и скребли кошки. Может быть, именно поэтому меня в субботу занесло в бар. Я цедила вторую кружку кофе, когда бармен принес коктейль и сказал, что это комплемент от второго столика справа. За ним

сидел обаятельный мужчина крупного телосложения, лет сорока пяти – пятидесяти, с проседью в темных волосах, одетый в серый деловой костюм. Впрочем, седина в волосах несколько его не портила. Заметив, что я смотрю на него, он подмигнул.

– Извините, не знакомлюсь в барах, – ответила я, отказавшись от напитка. И зачем я только сюда пришла? Надоело сидеть в пустой квартире?

– И не пьете, – заметил мужчина, бросив взгляд на кружку с кофе. – И какое горе, девушка, заливаете столь экзотическим способом?

– Муж бросил, – прошипела я, уже думая попросить счет.

– Меня – жена, – уныло произнес он.

Я удивленно посмотрела на него.

– Видите, как много у нас общего? Может, все-таки составите компанию? Уважите старика.

– Какой вы старик... – Я все-таки пересела за его столик. Торопиться мне было некуда, а дома все равно никто не ждал.

Он лишь пожал плечами.

– Увы, она иначе считала. Это, правда, не помешало ей выйти за меня замуж, родить ребенка, а потом увезти его и потребовать алименты. Кстати, – он усмехнулся, – я Вадим, и обычно я не жалуясь на жизнь. Уж точно не в барах.

– Наташа.

– Вот и познакомились.

Я пропустила этот комментарий, лишь спросила:

– И вы считаете, что она только ради алиментов это сделала?

– Наташ, вас это удивляет? Увы, многие люди ради больших денег и не на такое способны.

В этот момент бармен принес заказанный мною слабый безалкогольный коктейль. Я задумчиво сделала глоток.

– И что вы планируете делать?

– Подключить хорошего юриста. За большие деньги, Наташ, все можно. Ты даже не представляешь, девочка, насколько все. И ребенка суд со мной может оставить. Одно суд все-таки не отменит: она мать, – с болью в голосе вздохнул Вадим, глотнув из своего бокала.

– Она мать... – повторила я. – Хорошо, что вы это понимаете.

– Понимаю.

– Вы ее любили.

Вадим кивнул и сказал:

– Любил, тем и больнее. Я вел себя как влюбленный мальчишка, был готов звезду с неба достать, исполнял любые капризы. Она казалась такой нежной, заботливой...

– Они порою такими кажутся, – не удержалась я. Вспомнился Кирилл, его голубые глаза, его губы, его слова, что он всегда будет рядом, всегда поддержит.

– Все вполне решаемо, Наташ, но все равно больно, – Вадим ненадолго замолк, задумавшись о своем. – У тебя-то,

девочка, что стряслось?

Я опустила глаза.

– У меня не решается, но больно.

– Что, совсем так плохо?

Я кивнула.

– Бывший угрожает? Может, я чем могу помочь? – Вадим был явно не из тех людей, которые привыкли легко отступать. – Или юрист нужен хороший?

– Я сама юрист, – вздохнула я.

Говорить о своих проблемах мне не хотелось, поэтому мы продолжили обсуждать дела Вадима и выходы из возможного положения, придя к выводу, что у него есть большие шансы выиграть дело, поскольку бывшая жена своей жилплощади не имела, а хотела требовать ее с бывшего супруга. К концу вечера настроение у моего собеседника заметно поднялось, и он спросил:

– Ну и как мне вызвать на твоём лице улыбку? Можно ли тебя поблагодарить за отлично проведенный вечер?

Я лишь пожала плечами. Ну а что? Вадим предложил хотя бы оплатить мне такси домой, ибо небезопасно ночью гулять красивым девушкам.

Когда следующим утром я выходила из подъезда, на улице меня ждал молодой человек, представившийся курьером. Он передал мне маленькую черную коробочку, в которой обнаружили золотая цепочка с кулоном в виде прозрачного камня и записка.

"Надеюсь, заставил тебя улыбнуться, Наташ. Ты очень светлый, замечательный человек. Буду рад увидеться еще".

И в конце письма – номер телефона.

Курьер, увидев, что я дочитала, тут же сказал:

– Позвоните. Он должен знать, что я доставил подарок.

Я послушно набрала номер.

Через несколько гудков Вадим наконец-то ответил. Не дослушав о намерении вернуть такой дорогой подарок, он заявил, что это меня ни к чему не обязывает, но раз уж я ему сама позвонила, то он не против встретиться снова. Я выразительно посмотрела на курьера. Парень лишь пожал плечами, мол, приказ был дан такой. И скрылся из виду, оставив недоумевающую меня в одиночестве. Любая девушка от такого растает.

Вырвавшись из раздумий, я взглянула на часы. Что ж, можно было отправляться на работу. Метро в Новосибирске для меня стало приятным открытием, помогающим обойтись без простаивания в автомобильных пробках, а еще отличным местом, чтобы подумать.

Только у работы я вспомнила, что не оплатила аренду квартиры, и отправилась к банкомату. Мои собственные квартиранты в Сочи уже успели перевести мне деньги. Мне с ними повезло, ни разу не просрочили платежи, всегда день в день, да и звонками тоже не мучили. В отличие от хозяина моего нынешнего жилья, который недавно приходил, чтобы внимательно изучить все комнаты и что-то проверить.

***

Новая подруга оказалась проницательнее, чем бы я хотела. Марина пришла ко мне в кабинет выпить чаю, и мы разговорились на тему мужчин.

Оказывается, она недавно рассталась с женихом. Причем по дурацкой причине, из-за работы. Я тут же кинулась утешать подругу. Однако она тут же спросила:

– А что у тебя случилось? Просто так от мужа не уезжают, – справедливо заметила она. – Он тебе угрожал?

– Нет, – помотала я головой.

– Бил? Унижал? – спрашивала она.

Марина пододвинула мне чашку с дымящимся ароматным травяным чаем и сама сделала глоток из своей.

Я опустила глаза вниз, уперлась взглядом в пол, разглядывая замысловатый рисунок на паркете.

– Он ушел. Ушел, когда был больше всего нужен. Когда мне было больно, – собственный дрожащий голос казался чужим. – Потому что я...

И мне пришлось рассказать. Чувство вины вновь поглотило меня: я ведь могла что-то сделать тогда, могла предотвратить... Единственное, о чем я предпочла умолчать, – это измена.

Марина аккуратно коснулась моего плеча:

– Он ушел, когда у вас появились проблемы. Знаешь, Наташ, он ушел бы, даже если б ребенок родился. Это такой тип мужчин...

Я промолчала.

– Тебе надо отпустить прошлое, надо начать жить дальше.

– Как?

Я пыталась сделать это все четыре месяца, заставляя себя каждое утро открывать глаза.

– Просто начать жить.

Я не удержалась от усмешки, но Марина не обратила на это внимания.

– У тебя будут другие дети, другой муж, как и другой парень – у меня.

Я только сейчас вспомнила, что Марина недавно рассталась с молодым человеком. Да, хорошая из меня подруга. Впрочем, не было заметно, что она сильно переживала, она всегда отлично выглядела, всегда была в хорошем настроении. Или это лишь видимость?

– Да, другие, но, страдая, ты ничего не исправишь. Ты никому не сделаешь этим лучше: ни себе, ни бывшему мужу, ни нерожденному ребенку. Что врачи хоть говорят? В чем была причина?

Я опустила глаза: мне было стыдно признаться, что к гинекологу я после выписки из больницы так и не ходила. Просто не смогла, не хотелось слышать очередные сухие слова, что так бывает, что все к лучшему, что повезет в другой раз. А еще закрадывался страх: а вдруг этого другого раза не будет?

По затянувшейся паузе Марина тут же догадалась, что я

никуда не обращалась, но высказывать свое мнение по этому поводу не стала, за что я ей была благодарна. Она лишь предложила завтра же съездить в частную клинику, благо она знает одного хорошего специалиста.

Медицинское учреждение находилось на другом конце города. Поэтому я предпочла отправиться туда с самого утра на такси, но все равно мы угодили в самую пробку. Я нервно поглядывала на часы, таксист лишь говорил, что успеем, нервно куря сигарету, чем нервировал меня еще сильнее. Мы и так потеряли время из-за того, что ему пришлось заехать на заправку, а потом у машины еще и колесо спустило.

Когда мы прибыли на место, я уже опаздывала на пять минут. Таксист так долго искал место для парковки, что я, не выдержав, попросила его высадить меня уже где-нибудь.

Я ненавидела опаздывать, и еще больше ненавидела опаздывать из-за кого-то.

Настроение мне «приподнял» и администратор в клинике – русоволосая кареглазая девушка в очках, одетая в белый халат, – сообщившая, что мой врач уже занят и позже принять меня не сможет. Мой звонок с предупреждением об опоздании был для них лишь знаком того, что другой клиентке уже можно заходить.

Когда я поинтересовалась, когда к нему можно попасть, администратор с вежливой улыбкой ответила, что следующая запись к нему только через две недели.

Мне было обидно, что я зря проделала весь этот путь.

Я отлично понимала, что еще не скоро решусь отправиться к врачу снова: и так слишком долго собиралась с силами, чтобы решиться хотя бы на эту поездку. Поэтому спросила, можно ли попасть к какому-нибудь другому гинекологу.

В этот раз девушка просто показала на табличку, что прием ведется исключительно по предварительной записи.

Я никогда не была конфликтным человеком, и скандал устраивать мне не хотелось.

– А не трудно ли вам поинтересоваться у врачей, есть ли на сегодня у них свободное время? Может, они согласятся на двойную оплату?

Администраторша с апломбом заявила, что это уважаемая клиника и время, к сожалению, все равно не появится.

Я не выдержала:

– Может, мне самой поинтересоваться?

На шум подошла женщина респектабельного вида – лет сорока, в теле, одетая в такой же, как и у девушки, белый халат.

Как позже выяснилось, женщина была заведующей клиники.

– Дарья, что такое?

– Женщина хочет пройти без записи.

Заведующая перевела взгляд на меня.

– Я предупредила об опоздании, и никто не говорил мне, что мой визит отменяют...

Дарья не удержалась от комментария:

– Вы же знаете, Нелли Ивановна, какая очередь к Батниковой...

Нелли Ивановна вздохнула:

– Дарья, ты предложила клиентке пойти на прием к другому врачу?

– Но...

– Меня вполне устраивает, – сказала я, уже улыбаясь.

– Я сейчас поинтересуюсь у Елены Анатольевны. Помогите, у нее сейчас есть окно.

Минут пять мне пришлось подождать в приемной, под ядовитым взглядом администраторши, пока заведующая не вернулась и не сказала, в какой кабинет мне пройти. Удаляясь, я слышала, как она выговаривала девушке, что клиенты – их хлеб, и зачем она ее вообще держит, если та не может решить простейшие проблемы.

Помещение напоминало обычный кабинет женской консультации: два стола для врача и медсестры, шкаф для медицинских документов, кушетка, весы и гинекологическое кресло. Врач, женщина лет тридцати на вид, сегодня была без медсестры и, судя по всему, все записи делала сама.

– По беременности или просто на осмотр?

Я ответила, что второе, и врач указала мне на гинекологическое кресло. Та еще конструкция, залезть на которую тот еще подвиг.

После осмотра, когда уже я пыталась слезть с этого орудия пыток, врач сказала:

– Ну, все хорошо, матка сократилась до прежних размеров. Месяца два назад родили? Грудью кормите?

Я чуть не свалилась с кресла. Понадобилось сделать усилие, чтобы спуститься на пол, а еще больше сил ушло на то, чтобы произнести:

– Вообще-то, четыре месяца назад случилась замершая беременность на большом сроке. Вызывали искусственные роды.

Она тут же стушевалась и покраснела.

– Простите, это легко перепутать... – судя по голосу, ей действительно было стыдно и неприятно.

– Вам – возможно. А вот я слишком хорошо чувствую разницу.

Глава 5

Олег Иванов, оперуполномоченный уголовного розыска

22 августа

Я подошел к мусорному баку, жестом попросил дворника отойти в сторонку и стал доставать оттуда пакеты, совсем позабыв о том, что могу испачкаться. Дворник что-то кричал о чистоте, Анатолий тоже что-то говорил, когда я потянулся, чтобы открыть один из пакетов, и обнаружил стопки аккуратно сложенных пеленок и крошечных детских ползунков и распашонок. Я пораженно уставился на эту груду одежды. Кажется, Катя покупала такие же вещи нашей дочери, приговаривая, какая та будет в них красивая.

В соседнем пакете обнаружилось несколько женских блузок и платьев, явно тщательно выглаженных совсем недавно и также аккуратно сложенных.

Я усмехнулся про себя: Сериков был аккуратистом до мозга и костей – аккуратный почерк, аккуратная одежда, – и даже здесь остался верен себе, аккуратно сложив вещи жены и дочери перед тем, как избавиться от них.

– Олег, прекрати, – услышал я наконец голос нашего эксперта. – Ты портишь улики.

Анатолий схватил меня за руку и, несмотря на свое хрупкое телосложение, держал весьма крепко.

– Какие улики? – спросил я. – Ты что, не понимаешь? – Я не удержался от усмешки.

Я не мог понять, как такие очевидные вещи не доходят до него.

– Это он. Сам все сделал, сволочь...

Назвать Серикова человеком я не мог, хотя людей повидал всяких. Я видел убийц, видел насильников, но выродка, не пожалевшего собственного ребенка, грудного младенца, мне довелось встретить впервые.

– Эта мразь...

В конце концов, у меня самого был ребенок, и я не понимал, как так можно, такое просто не укладывалось в голове.

Анатолий продолжал с серьезным видом глядеть на меня, чуть нахмутив лоб, но руку так и не отпустил.

– Нет, это ты не понимаешь, мальчик, – тихо сказал он. – Кто ты? Ты судья, который может вынести приговор? Или следователь?

– Но... – начал было я.

Анатолий покачал головой.

– Ты опер, и твое дело – искать людей. Так занимайся своим делом и не мешай другим. Или хотя бы перчатки надень! – чуть ли не прорычал эксперт, достал из чемодана пакеты и принялся упаковывать улики, едва слышно бормоча, что в его время такого беспредела не было.

Мне стало стыдно.

Уже вечерело. Я бросил взгляд на детскую площадку, где

бегали малыши под присмотром своих мам. Одна девочка с визгом скатилась с горки. Несколько детей весело возились в песочнице. О чем-то оживленно беседовали сидевшие на лавочках девушки. Красота – вот только на одну мамочку с ребенком стало меньше.

– Да было бы кого искать.

Анатолий оторвался от работы и кисло посмотрел на меня.

– А доказательства искать не надо? И трупы, если ты так уверен?

Давно меня не попрекало старшее поколение. Впрочем, Анатолий – мужик опытный, может, и посоветует чего.

– А ты не так уверен?

– Работать здесь надо, Олежа, работать. Но дело мутное. – Эксперт провел рукой по седым усам. – Зато шеф с тебя три шкуры спустит, если не найдешь ничего: все-таки ребенок пропал. Так что иди займись делом.

– Может быть, материал не мне отпишут и сдирать шкуру шеф будет с другого.

Анатолий лишь усмехнулся на это.

– Серикова позови – вещи опознавать. Ибо даже если материал отпишут не тебе, сегодня все-таки отработать придется.

Я вернулся к Юле и Кириллу в квартиру пропавшей. Судя по неприятному взгляду, которым наш следователь окидывала Серикова, мои подозрения она явно разделяла. По

крайней мере, девушка очень расстроилась, когда выяснила от участковых, что с оружием мужа пропавшей все было в полном порядке: разрешение у него имелось, и вообще он являлся заправским охотником.

– Охотились на кого-то крупнее зайцев? – не удержался я от вопроса с намеком.

Сериков намека не увидел.

– Нет, – с сожалением произнес Кирилл. – Далеко было ехать.

К моему удивлению, вещи, найденные мной и Анатолием, он узнал. Мастерски состроив гримасу удивления, достал из пакета одну из вещей и заявил, что это Наташино любимое платье, без которого она бы точно никуда не уехала.

То, что Наташа уехала не сама, понимали мы все. Уже сидя в машине, Юля громко причитала при нас с Анатолием, что она точно знает, что Сериков убил свою жену, и как вообще такие люди живут. В этот раз уже я осадил девушку, заявив, что у нас нет доказательств его вины, нет доказательств даже того, что было убийство. Юля со всей горячностью, свойственной юности, хотела с этим поспорить, но никаких аргументов, кроме своих подозрений, не нашла. Зато мы все дружно пожалели того человека, которому достанется этот материал.

***

23 августа

Утром я узнал, кому так не повезло. Этим человеком ока-

зался я. Причем шеф сам вызвал меня к себе в кабинет и вручил материал, обрадовав новостью, что докладывать я буду каждый день.

Владимир Геннадьевич был несколько задумчив. Брови были нахмурены, руки сложены в замок. По его лицу можно было точно сказать: не нравилось ему это дело. Я уже думал, что он тоже уверен в виновности Серикова, но, как выяснилось, шефа беспокоило другое.

– Смотри, Олег, дело может выйти громкое, поэтому под мой личный контроль. – Владимир Геннадьевич вздохнул: – Будем надеяться, не убийство.

Мне тоже искренне хотелось верить, что девушка с малышкой живы. Очень хотелось, вот только обстоятельства исчезновения говорили против этого.

– Убийство в этом квартале нам всю статистику испортит. Первым указанием шефа было узнать все данные о младенце. Документов ребенка в квартире не обнаружилось, поэтому Юля все записывала со слов отца. Серикова Алена Кирилловна, родилась четвертого августа этого года в нашем городе. Малышке было все несколько недель от роду.

Запрос, отправленный в ЗАГС, результата не дал. Точнее, работник ЗАГСа сообщил, что такое свидетельство о рождении не выдавалось, и это поставило меня в тупик. После нескольких звонков я выяснил, что это не ошибка, а действительно на это имя не существовало ни свидетельства о рождении, ни медицинского полиса.

И в детской поликлинике, находившейся неподалеку от дома Серикова, о ребенке ничего не знали. Регистраторша, женщина в возрасте, уже с седыми волосами на голове, глядя на меня круглыми глазами, заявила, что данных о ребенке у них нет. После настоятельной просьбы она уточнила эту информацию у участкового педиатра, который окинул меня равнодушным усталым взглядом, но и врач уверенно ответил, что не помнит, чтоб ее вызывали к Сериковым, да и медицинской карты на Серикову Алену у них нет.

Неприятных вопросов к Серикову у меня после этого прибавилось. Был ли вообще ребенок? Или Сериков просто распустил, что незачем стоять в очередях, делать дочери документы и возить к врачу, если через месяц планируешь избавиться от ребенка? Жуткая мысль. Но зачем он все-таки сказал о ребенке и пропавших детских вещах? Я решительно ничего не понимал. Верно Анатолий сказал: мутное дело.

Зато мне удалось опросить одну из соседок пропавшей. Полноватая женщина в старом поношенном халате и косынке – типичном наряде наших бабушек – с охотой поведала, что накануне исчезновения Натальи слышала ссору своих соседей. Правда, о чем конкретно они спорили, толком не поняла. На мой вопрос, видела ли она Наташу с ребенком, ответила, что встречала ее с коляской один раз, однако самую малышку не видела, так как коляску прикрывала шторка: Наталья сказала, что сглазить боится, и куда-то быстро ушла. Нервная была какая-то, как не в себе. Из дому почти

не выходила. Больше старушка ничего интересного поведать не смогла, хотя предложила выпить чаю и рассказать о своих соседях сверху, но на это у меня не было времени.

Я задумался о последнем сообщении пропавшей – если, конечно, его действительно набирала Наталья. Быть может, она узнала что-то о муже? Что-то такое, что стоило ей жизни. Я решил вновь побеседовать с Сериковым, тем более вопросов к нему у меня накопилось достаточно.

На мой звонок тот отреагировал усталым вздохом – вопросов ему в последнее время задавали море, – однако согласился приехать на беседу со мной. Правда, в обед, раньше приехать с работы у него не получится. Я молча отметил, что мужчина продолжает жить своей жизнью, как будто ничего не случилось.

– Что-нибудь уже известно? – с порога спросил Кирилл.

Я оторвался от монитора. Хотелось сказать «да, труп нашли» и посмотреть на реакцию, но я сдержался.

– Присаживайтесь, Кирилл Игоревич, – сказал ему я, жестом указывая на стул. Я потянулся к стакану с водой и сделал глоток. Сериков в ожидании смотрел на меня. Он был, как всегда, в костюме поверх безупречно отглаженной рубашки, чисто выбрит; от него приятно пахло дорогим парфюмом. Я не заметил на лице ни следов бессонной ночи, ни каких либо переживаний.

– Меня интересует, как так вышло, что у вашего пропавшего ребенка нет документов? – спокойно спросил я, хотя

в душе бушевало другое. Один Бог знает, каких мне только сил стоило сохранять спокойствие.

Кирилл поправил воротник рубашки.

– Наташа должна была их сделать. Она все равно дома сидела, у нее было полно для этого времени.

Я несколько удивился. Когда родилась моя дочь, такими делами занимался я, шеф меня даже с работы отпустил.

– И все-таки нам нужны документы.

– Хорошо. Я думаю, получится взять в роддоме копию справки о рождении.

Роддом. Хотелось хлопнуть себя по лбу: я совсем об этом забыл.

– Я сам запрошу, – ответил я, делая пометку в ежедневнике. – Также сведений о ребенке нет в детской поликлинике. За это время вы должны были после выписки из роддома хоть раз показать дочь врачу.

– Мы показывали. Частный педиатр приезжал к нам на дом, – выкрутился Кирилл. – Я сам привозил врача.

– У вас есть выписка о состоянии ребенка? – устало спросил я.

– Я поищу дома, – ответил Кирилл. Но я уже знал, что вряд ли он что-либо принесет. Я просто кивнул.

– Что с фотографиями?

– Фото дочери есть.

Сериков протянул снимок, где он сам держит на руках младенца, одетого в белоснежный комбинезон и шапочку та-

кого же цвета. Собственно говоря, вряд ли это фото сильно поможет: младенцы в таком возрасте все выглядят на одно лицо.

– Родители прислали, – прокомментировал он. – Постараюсь завтра предоставить в лучшем качестве. Над ноутбуком Наташи поработает мой друг, может, получится извлечь фотографии.

– Может быть, вам посоветовать хорошего программиста? – спросил я.

– Не стоит. – Сериков заерзал в кресле. – Это все? Я могу идти? Я тороплюсь.

– И последнее. – Я внимательно посмотрел на Серикова. – Вы забыли сказать, что в день исчезновения вашей жены вы поссорились. Об этом сообщила ваша соседка сверху.

Судя по лицу, Кирилл явно не ожидал это услышать.

– Причина ссоры?

Сериков тяжело вздохнул и скрестил руки на груди.

– Я же говорил, что Наташа затягивала с документами. А если не сделать за месяц, то оштрафуют. Но мы не поссорились, я просто немного повысил голос на жену.

Я кивнул, ни грамма не веря в эту историю.

– Вы подозреваете меня? – Сериков встал и возмущенно уставился на меня. Я промолчал: ответ был слишком очевиден, чтобы его проговаривать.

– Будьте готовы, вас будут вызывать на опознание, – холодно произнес я.

Сериков отлично понял, что я имел в виду опознание трупа.

– Вы будете ее искать?

– Будем, будем, – кивнул я.

Юля обещала, что вызывать на опознание его будут часто, она поспособствует. К сожалению, пока у нас не хватало оснований для возбуждения уголовного дела, хотя в отношении произошедшего наши взгляды с Юлей были одинаковы. Но, увы, наши подозрения ничего не значили. Оставалось только, как сказал Анатолий, работать.

Поскольку шеф требовал ежедневный отчет, я все-таки поехал в роддом сам, чтобы забрать копию справки о рождении. Работником архива оказалась молоденькая девушка с короткой стрижкой и такой же короткой юбкой. Она тут же оторвалась от чая, увидев меня по форме, и вытянулась в струнку.

– Чем могу помочь? – лучезарно улыбнулась она во все зубы. Почему-то форма действует на некоторых девушек весьма специфически.

Я протянул ей лист с запросом. Девушка кивнула и отошла к компьютеру, потом отправилась к полкам, достала какую-то коробку и принялась в ней рыться. Через некоторое время с видом победительницы достала тоненькую картонную папочку и, подойдя с ней к стойке, наконец, открыла. Пролистав, она остановилась на последнем листке и картинно ойкнула. Я развернул к себе папку. Как выяснилось, ойк-

нуть было отчего: нужной справки здесь не оказалось. На последнем листке оказалась выписка, из которой следовало, что на тридцатой неделе у Сериковой Натальи Александровны девяносто третьего года рождения случились преждевременные роды, ребенок не выжил.

Я молча взирал на документ, пытаюсь понять, как такое возможно. Я же видел фото Серикова с ребенком на руках, детские вещи, найденные у подъезда. Я вновь и вновь перечитывал строки больничной выписки с ее сухими скудными медицинскими терминами. Девушка молчала и уже не улыбалась.

– Такое бывает, – наконец нарушила она звенящую тишину этого пыльного архива.

Я лишь помотал головой. Хотелось позвонить Серикову и спросить, что это за шутки, а еще лучше – пообщаться при личной встрече, прижать его к стенке и наконец узнать, что происходит.

Я посмотрел на свой запрос, лежащий рядом, и потянулся за ним. Холодно велел девушке сделать копию. Я пришел за справкой о рождении, а буду забирать выписку о смерти. Я еще раз пробежал глазами запрос и неожиданно заметил:

– Подождите, она же девяносто второго года рождения.
– Ой! – вновь ойкнула девушка, картинно хлопнув ресницами. – Извините, архив большой. Сейчас поищу.

Девушка опять вернулась к коробке.

– Я тут просто замещаю.

Она принесла мне новую папку, в которой нужная справка все-таки обнаружилась.

– Свидетельства о рождении нет, вечно родители забывают привозить копии.

Я лишь кивнул. Имени ребенка на справке не было – лишь дата и время рождения, пол, а также фамилия и имя матери, но мне этого было достаточно.

Через пару часов мне удалось узнать, куда же так торопился Сериков. Об этом мне сообщили гаишники. Оказывается, этот герой – отец и скорбящий муж – торопился оформить новенькую Ауди.

Глава 6

Наталья Серикова

13 сентября

Мы сидели с Мариной в кафе, как всегда, после работы. За окном уже сгущались тучи, но домой мы не торопились. Я вяло ковыряла вилкой свой салат и вдыхала аромат ванили и корицы, распространяющейся по всему заведению. Марина же с аппетитом поглощала свой бифштекс.

– Она еще и выписку из больницы попросила.

– Вот наглость же! – возмутилась Марина. – Надеюсь, ты тут же пожаловалась заведующей и поменяла врача?

Я промолчала. Как объяснил врач, выписка была нужна ей для лучшего понимания картины. Вот только ее у меня не оказалось, это была последняя вещь, о которой я думала при переезде. Я даже не была уверена, что забрала ее из роддома.

– Нет, я лишь взяла список анализов и ушла.

Слишком много сил мне понадобилось на подобный поход. Встреча с Машей, общение с Мариной научили меня тому, что я не сбегу от прошлого, я должна научиться с ним жить ради того, чтобы у меня было будущее.

– Зря, – продолжала возмущаться подруга, совсем позабыв про остывающий ужин. – Все-таки это не очень правильно – ставить с бухты-барахты диагнозы...

Я лишь вздохнула и пожала плечами, меня тревожило не

это.

– Знаешь, что самое неприятное, Марин? – сказала я, чуть ли не истерически смеясь. – Она угадала: моей дочери действительно было бы примерно два месяца, если бы...

Остальные слова не сорвались с языка и остались непроизнесенными. Замолчав, я уставилась в окно, за которым уже вовсю лил дождь. Интересно, в этом городе хотя бы иногда бывает нормальная погода?!

Марина коснулась моей руки.

– Наташ, просто все родившие через два месяца должны обратиться к врачу, вот она и приняла тебя за такую. Я, конечно, понимаю, что конец рабочего дня, но работать тоже надо нормально.

– Я все думаю, почему же я не попросила все-таки показать ребенка... если...

Марина окинула меня предупреждающим взглядом.

– Наташ, не накручивай себя. Хватит мучиться. Лучше ответь: у тебя шорты и майка есть?

Я вопросительно кивнула на окно, за которым уже шел крупными хлопьями снег, и поежилась от холода. Вот что мне в теплом Краснодарском крае не сиделось?! Нормальные люди с севера на юг едут, а не наоборот.

– По такой погоде?!

– Понятно, – хмыкнула Марина. – Просто предлагаю тебе на тренировку сходить сегодня...

– А может, не шорты, а спортивные штаны?

– Шорты! – категорически заявила Марина. – Ладно, сама по пути где-нибудь куплю, зато сегодня развеешься, обещаю.

Непонятно, какое отношение «развеешься» имело к тренажёрам: лично я всегда считала поход в фитнес-клуб скучным, но необходимым занятием. Однако спорить с Мариной было бесполезно.

***

Небольшое полуподвальное помещение пятиэтажного строящегося дома никак не ассоциировалось у меня с фитнес-клубом. Как, впрочем, и его местонахождение у черта на куличиках. Меня в первую очередь смутило даже не отсутствие вывески или ее какого-либо подобия, хоть чего-нибудь, указывающего на занятия спортом. Больше всего меня испугала фраза

Марины: «Расскажешь кому-нибудь – прибью».

Я уже искала пути к отступлению, но подруга крепко держала меня за запястье. Свободной рукой она нажала на звонок.

– Свои.

Пока в замке поворачивался ключ, я оглядывалась по сторонам в поисках спасения, но освободиться от хватки Марины не получалось.

Дверь, вопреки моим ожиданиям, открыла худенькая девушка среднего роста, с длинными светлыми кучерявыми волосами, одетая в обычные джинсы и футболку.

– А, вы на тренировку? Проходите.

Я выдохнула и мысленно усмехнулась: вот навыдумывала себе страхов! Мы с Мариной отправились в раздевалку, где уже готовилась к тренировке другая девушка. Облачившись в довольно-таки короткие розовые шорты и топ, мало что прикрывающие, девушка перекинулась с Мариной

парой фраз и поспешила покинуть зал. Каково же было мое удивление, когда Марина протянула мне похожий комплект, только черного цвета.

Я тут же возмутилась:

– Марин, я это в жизни не надену.

– Комплексы? – поинтересовалась Марина, мягко улыбаясь.

Честно говоря, надевать подобное не хотелось, ведь живот после неудачной беременности не ушел.

– Заодно и с ними сегодня разберемся, – сказала подруга, настойчиво протягивая форму.

– А про обувь мы забыли.

– Обувь не понадобится. Давай побыстрее, ладно?

Когда мы добрались до зала, там уже всюю шла разминка. Три девушки активно занимались на ковриках и отжимались, впереди в пестрых веселых шортах с совами и такой же майке была, как я догадалась, тренер. Она бодро вела счет и отдавала команды.

Обычное групповое занятие, но удивило меня другое. Вместо тренажёров в зале были...

– Шесты!!!

– Пилоны, – поправила меня Марина.

И тут я наконец все поняла.

– Марин, да ты издеваешься.

Тренер – худенькая светловолосая девушка с волосами, затянутыми в хвост, – обратила на нас внимание.

– У нас новенькая.

Марина тут же подключилась:

– Это Наташа, – представила она меня. – Тань, для новеньких первое занятие же бесплатно?

С молчаливого кивка девушки Марина потащила меня брать коврик.

– Я не буду, – тихо прошептала я.

– Я тут долго искала такого тренера, поэтому не выделывайся. – Марина вручила мне коврик и указала на угол.

Впрочем, в конце занятия я выяснила, к своему удивлению, что мне понравилось. Оказалось, я на что-то способна. Правда, в раздевалке я узнала о неприятных для новичков последствиях – огромных синяках, однако я все-таки решила ходить вместе с Мариной. Ведь это хороший способ отвлечься от проблем. Но больше всего меня подогревала то, что Кирилл отнесся бы к этому негативно. Еще бы, я должна страдать, что он меня покинул, а не заниматься непотребством.

Поскольку после тренировки распогодилось, мы с Мариной решили прогуляться.

Мы шли по улице и собирались прошвырнуться по мага-

знам.

- Тебе обязательно нужно с кем-то начать встречаться.
- Кто бы говорил! А Мишу со второго отдела кто отшил?
- Мне нужно время, – совсем другим, тихим голосом сказала подруга. Ей явно была неприятна эта тема.

И тут я поймала себя на мысли, что не у одной меня, вообще-то, в прошлом были проблемы. И то, что Марина не плакала, в отличие от меня, никому в жилетку, не говорило о том, что ей легко.

Мне стало стыдно. Впрочем, Марина быстро оправилась:

- А ты зря нашего Виталика игнорируешь, он хороший парень.

Но мысли мои были не о Виталике – рыжеволосом специалисте компьютерного отдела, часто забегающем на чай под разными предлогами.

Впереди нас шла девушка, катившая синюю коляску с плачущим ребенком. Судя по виду и голосу, она уже совсем отчаялась успокоить малыша.

- Что же ты плачешь? Сытый, подгузник чистый...

Но ребенок не унимался, продолжая еще громче кричать.

Марина поджала губы. Ей, как и мне, хотелось уйти от источника неприятного звука. Она уже повернула в сторону ближайшего магазина.

Я хотела последовать за ней, но девушка выглядела уж очень отчаявшейся и уставшей.

- Ну что ты капризничаешь? – спросила она у младенца,

отлично зная, что ответить он не смог.

– Девушка, может, он спать хочет, попробуйте покатать вперёд-назад...

– Уже катала, – вздохнула молодая мать, а ребенок разрывался все сильнее.

– Можно? – спросила я, подходя поближе. Девушка, видно, настолько отчаялась, что без возражений допустила к своему ребенку чужого человека.

Я взяла за ручку коляску и стала ее катать. С разрешения матери я убрала лишнее одеяло – малышу, по всей видимости, было жарко, он стал пищать заметно тише, – и продолжила качать.

На секунду мне померещилось, что коляска бежевого цвета и вместо синего одеяльца – розовое... Я отпрянула от нее, но стоило моргнуть, и все стало на свои места.

Девушка удивленно посмотрела на меня.

– Что-то не так?

– Уснул, – не стала я вдаваться в подробности. Девушка поблагодарила меня, и мы пошли каждая своей дорогой.

Марина стояла в углу и сверлила меня взглядом.

– Зачем? – коротко спросила она меня.

– Подруга так укачивала ребенка, – солгала я, глядя вслед удаляющейся девушке.

Я не могла отделаться от мысли, что в моих снах коляска всегда была бежевой.

16 сентября

Вечером я, как всегда, сидела на в офисе уткнувшись в монитор. Работать в пятницу не хотелось, впрочем, никто моего желания не спрашивал, а работы накопилось море, и ее надо было делать. То ли из-за переизбытка кофеина, то ли из-за предчувствия выходных усталый мозг не хотел работать. Я потянулась за конфетой. Последние недели этого добра у меня стало навалом, поскольку очень часто Виталик, паренек из компьютерного отдела, приходил попить чай, прихватывая что-нибудь вкусненькое.

Я в который раз уже листала договор с указанием цифр и ссылок на различные законы и дополнительные соглашения. Когда зазвонил телефон, я была только рада отвлечься от работы.

– Наталья, – в трубке прозвучал знакомый женский голос. – Добрый вечер, это Елена Анатольевна, гинеколог из «Сити клиник».

– Да, слушаю. – Я вся напряглась, отлично понимая, что просто так врач бы мне не позвонил.

– Я получила результаты ваших анализов, они идеальные. Возможно, какие-то проблемы возникали именно в процессе вынашивания, поэтому мне все же нужна выписка из роддома,

– Все-таки нужна, – огорченно произнесла я.

– К сожалению, иначе не смогу вам ничем помочь.

Положив трубку, я молча смотрела на телефон в раздумьях, кого бы попросить помочь. К сожалению, на ум при-

ходил лишь муж: даже если он и выкинул этот документ, то копию в роддоме может взять только он, у него даже доверенность для этого была, никому из моих друзей ее просто не дадут. Мне придётся наплевать на гордость и все же позвонить Кириллу. Я должна поскорее получить ответ на вопрос, почему это со мной произошло, и это важнее какой-то мелкой мести.

Его номер я помнила наизусть: когда-то очень давно, когда мы были счастливы, он заставил его выучить, на всякий случай. Я начала набирать номер, попутно обдумывая, как с ним разговаривать. А если он откажет? У нас ведь было неприятное расставание. Но, впрочем, он вполне может оказать мне эту последнюю услугу в память обо всем, что у нас было. Я наконец закончила набирать номер, и в трубке слышались гудки. С замиранием сердца я ждала ответа, беспокоясь, не сменил ли муж номер или вдруг не берет незнакомые номера, но наконец-то услышала такой близкий и родной когда-то голос.

– Алло.

– Кирилл, – с придыханием произнесла я, готовая уже простить все на свете.

– Наташа, где ты?.. – его голос дрожал от волнения.

Я была уже готова ответить, но тут как гром среди ясного неба раздался вопрос:

– Где наш ребенок? Где моя дочь?! – крикнул в трубку человек, которого я когда-то любила.

Я, ошарашенная, мгновенно отключила связь и швырнула телефон подальше, но Кирилл не унимался, продолжая трезвонить. Неужели после всех этих месяцев он до сих пор винит меня?!

В этот момент вошла Марина, вся такая сияющая и улыбающаяся. Заметив остолбеневшую меня и разрывающийся телефон, тут же изменилась в лице.

– Что случилось?– обеспокоенно спросила она.

– Муж спрашивал, где его дочь, – произнесла я на удивление ровным голосом, пытаюсь осознать эти слова. Как он вообще может спрашивать подобное?! Впрочем, мое кажущееся спокойствие отдавало начинающейся истерикой.

– Зачем ты ему позвонила?! – чуть ли не шипя, набросилась она на меня.

– Мне нужна была выписка, – ответила я. Да, про эту вещь можно было забыть.

Марина лишь устало вздохнула и покачала головой.

– Могла бы меня попросить помочь. Теперь номер придется менять, – кивнула она в сторону телефона, который все никак не унимался.

Глава 7

Я слабо помнила, как мы пришли в салон связи за новой сим-картой. Не помнила я и слова из тех, что Марина говорила продавцу, который тут же протянул ей несколько пакетов с номерами на выбор. Подруга махнула мне рукой: мол, иди выбирать. Я лишь помотала головой, мне было не до этого. Мне было абсолютно все равно, какой номер она мне выберет. Как послушная марионетка, я просто протянула паспорт продавцу.

Марина заполнила за меня документы, я лишь поставила свою закорючку на договоре. Молча и отрешенно я наблюдала, как она выкидывает мою старую сим-карту в мусорное ведро, как устанавливает новую.

Мне было все равно. В голове бушевал только один вопрос: как Кирилл мог так со мной поступить?! Ведь он все знал, все знал о случившемся. Он один знал, как сделать мне по-настоящему больно, и сделал это.

«Где моя дочь?» – спросил Кирилл

Слова обвинения. Слова, пробуждающие не самые хорошие воспоминания, и это еще мягко сказано. Те, что я надеялась забыть. Была уверена, что забыла.

Роддом – место, где рождается счастье... по крайней мере, если верить вывеске. Но у меня, к сожалению, был другой случай.

«А где твой малыш?» – спросила молоденькая девочка в нежно-розовом хлопковом халате поверх казенной типовой ночнушки, когда я наконец заставила себя выйти из роддомовской палаты. От голода кружилась голова, и я поняла, что нужно что-то поесть.

«Мой в детском отделении, – радостно щебетала она, протягивая посуду раздатчице и пытаясь поправить растрепавшиеся волосы. – После обеда отправлюсь к нему. – Она улыбнулась, перемещая тарелки на столик. – Твой тоже в детском? Можем вместе сходить.

«Моего там нет», – прошептала я. Руки задрожали, я опустила глаза в пол.

«А где? – спросила она – Неужели в реанимации?» – сказала она с испугом в голосе. Будто это самое страшное предположение, которое она смогла придумать.

«Нет, – помотала я головой и произнесла едва слышно: – Его вообще нет. Он...»

Слова потонули в воздухе под взглядами других девушек, вышедших в коридор и, судя по виду, заинтересовавшихся нашим разговором.

Однако моя собеседница не унималась:

«Как нет? Что произошло?»

Мое самообладание дрогнуло, слезы предательски показались по лицу, и я предпочла скрыться в палате. Мне никого не хотелось видеть.

Если девушка из соседней палаты, явно узнавшая о том,

что у меня произошло, у дежурной акушерки, через несколько часов хотя бы попыталась извиниться, шепча свои слова сочувствия сквозь закрытую дверь, то сами медицинские работники не были столь деликатными. По крайней мере, они явно не заглядывали в историю болезни перед тем, как заглянуть в палату с расспросами.

«Так мамочка, а где ребенок? Малышей пора взвешивать», – спрашивали то и дело акушерки.

«Пора на УЗИ, – звали санитарки и медсестры. – Мамочка, готовьте ребенка».

Временами мне приходили мысли наклеить на свою дверь табличку с объяснением или уговорить мужа забрать меня домой раньше срока. Вот только мое душевное состояние никого не волновало: все говорили о каком-то потенциальном вреде здоровью и каких-то возможных осложнениях, как будто что-то могло быть хуже и сложнее моего пребывания в этом месте.

Вынырнув из воспоминаний, я запоздало поняла, что мы направляемся в квартиру Марины.

– Марин, спасибо за помощь. Я, наверное, домой. – Мне было неудобно доставлять Марине столько проблем.

Подруга удивленно посмотрела на меня, слегка приподняв бровь.

– Ага, сейчас отпущу, – с сарказмом произнесла она. – А потом всю жизнь себя корить буду. Ты бы себя со стороны видела: бледная, как смерть с косой, краше только в гроб

кладут. Так что лучше у меня под присмотром посидишь, оклемаешься.

По прибытии домой Марина тут же заварила какой-то травяной сбор, приятный аромат которого быстро растекся по всей квартире. Из ящичков тут же были вытащены все запасы сладкого: за шоколадом, конфетами и зефиром, предложенными мне в качестве утешения, последовала тяжелая артиллерия – коробочка с любимыми пирожными, которые я обещала не есть хотя бы до Нового года.

Я молча взяла кусочек зефира и прожевала, совсем не чувствуя вкуса. Марина пыталась поддерживать беседу, как могла. Видимо, стараясь немного облегчить мое состояние, она принялась высказывать много чего нелестного о моем муже. Я молчала, лишь изредка вставляя слово-другое: разговаривать сейчас совершенно не хотелось.

Напоив меня чаем, Марина достала из шкафа раскладушку, забытую кем-то из предыдущих жильцов ее квартиры, и посетовала по поводу маленькой жилплощади и того, как непривычно ей жить в таких условиях.

Я не удержалась от вопроса:

– Почему не вернешься домой?

Подруга села на кровать, поправила прядь, выбившуюся из прически, и мечтательно улыбнулась, изучая маникюр на руке.

– Я вернусь, – уверенно произнесла она. – Позже вернусь, когда любимый поймет, сколько я для него сделала.

Я удивленно уставилась на подругу.

– Любимый? Вы помирились?

– Есть вещи, которые можно простить, а есть те, которые нельзя. – Марина кивнула в мою сторону. – Но все-таки ему надо закончить работу, и тогда мы будем вместе. Скорее всего, поженимся и полетим в свадебное путешествие.

– Кстати, Марин, а кем он работает, что для него работа так важна?

Подруга на секунду задумалась.

– Ученый он, Наташ. Работник науки. – Судя по выражению лица, Марина им гордилась. – Кто-то ж должен делать мир лучше, пока мы в бумажках ковыряемся.

– Но ты же делаешь мир лучше благодаря косметике.

– Не сравнивай, – сказала она, шутливо бросив в меня подушку. – Он талантливый, он многого добьется. Я уверена, что когда-нибудь его позовут работать в США, и я уеду с ним.

Марина продолжала расписывать свои планы, обустройство жилья, свадьбу и поездки. Обо всем этом она говорила так уверенно, будто точно знала, что так и будет. Я же задумалась о своем: ведь у нас с Кириллом тоже так было. Была красивая пышная свадьба, совместно сделанный ремонт и поездки... вот только наш брак это не спасло. Но подруга так воодушевленно описывала свои планы, что я промолчала.

Краем уха слушая ее рассказы, я не заметила, как уснула. Последнее, что я помню, как рассылала всем сообщения о

том, что сменила телефонный номер. Хотя всем – это было слишком громко сказано, в этой новой жизни в моем телефоне был записан от силы десятков номеров.

Разбудил меня звонок телефона. Едва продрав глаза, я мысленно обругала нехорошими словами того человека, которому не спалось в такую рань, ну и себя заодно – за то, что не поставила телефон на беззвучный режим. Потянулась к телефону, нажала кнопку ответа, надеясь, что звонок не разбудил и Марину. Но та лишь поворочалась, перевернулась на бок и продолжила спать.

– Алло, – сонно пробормотала я, попутно думая, что могло приспичить субботним утром хозяину квартиры, которую я снимала. Раньше он меня звонками не очень баловал, за что я ему была благодарна.

– Добрый день, Наталья. Я звоню сообщить, что к утру понедельника вы должны освободить мою жилплощадь, а лучше к вечеру воскресенья.

– Но как?! У нас договор! – тут же возмутилась я. Всю сонливость как рукой сняло. – У меня оплачено почти на месяц вперед.

– Ах да, – опомнился мужчина. – По договору я должен предупредить вас за три дня, сегодня отправлю еще письменное уведомление... Деньги за неотжитое время я вам, конечно, верну, – продолжил он.

. Чем я думала, когда подписывала подобный договор? Почему не прихватила тогда свой вариант договора? Так за-

смотрелась на заманчивую цену, что даже не дочитала документ, который подписываю. И это я юрист. Моим преподавателям было бы за меня стыдно.

– Но ведь найти жилье за такое время... – возмутилась я.

– Извините, – прервал он меня, – но это не мои проблемы. Я и так сообщаю вам это рано утром. Больше ничем помочь не могу, мне нужна моя квартира. Ах да, будьте внимательны при переезде: все, что вы не заберете вовремя, я просто выкину. Всего вам доброго.

– И вам, – произнесла огорошенная я на автомате. Вот что за срочность такая?! Несколько месяцев квартира ему нужна не была, и тут внезапно понадобилась, да еще так срочно.

Нужно было что-то делать, и чем раньше, тем лучше. Перспектива остаться без крыши над головой меня не устраивала, поэтому я, выйдя в интернет сразу с телефона, начала искать жилье, попутно рассматривая свою правую руку, на которой откуда-то взялось несколько фиолетовых синяков. И где же я так умудрилась? Хотя ответ очевиден: на тренировке несколько дней назад. Вот только знание этого не облегчало боль от свежих, судя по ощущениям, ушибов.

Пролистав несколько вариантов, я почувствовала невыносимую головную боль и решила, что нужно выпить кофе. Марина до сих пор спала, поэтому на кухню я отправилась в одиночестве.

Пока кипел чайник, я открыла холодильник, чтобы достать сливки для кофе, и заметила на одной из полок про-

зрачный контейнер с различными флакончиками и коробочками – судя по всему, с лекарствами. Это натолкнуло меня на мысль, что стоило бы поискать что-нибудь от головы. На мое счастье, аптечка, представлявшая собой классический белый чемоданчик с красным крестом, лежала на видном месте. В ней я обнаружила прямо-таки арсенал, подходящий какому-нибудь медработнику: жгуты, шприцы, вата, бинты, куча таблеток и мазей, аккуратно разложенных по разным карманам и отсекам в порядке, понятном, наверное, только хозяйке. Марина, похоже, предпочитала быть готовой ко всему. Например, после знакомства со мной ей наверняка пришлось пополнить запас успокоительного. Невесело улыбнувшись этой мысли, я проглотила таблетку аспирина, запив горячим кофе.

Пролистывая различные объявления об аренде квартир, я поняла, что вчерашний разговор с мужем был мелочью. Подумаешь, задал неприятный вопрос, непонятно с какой стати пришедший ему в голову. Я знала, Кирилл злился на меня и, если подумать, даже имел на это право. Мало кому приятно получить сообщение о том, что жена выгоняет его из квартиры без права даже забрать вещи самому, зато со словами, что теперь здесь будут жить чужие люди. Нет, вещи Кирилл свои забрал, но уже от моей подруги, но внезапное возвращение в отчий дом вряд ли могло его обрадовать. Но все-таки так мелко мстить... совсем на него не похоже.

Я сделала еще один глоток кофе. Кирилл мог подождать

до того момента, когда я попрошу официальный развод, а вот жилищный вопрос ждать не может. К сожалению,

Первое, что я выяснила для себя, изучив объявления, – это то, что я даже не подозревала, как мне повезло с первой квартирой: и ремонт свежий, и мебель новая, и вся необходимая бытовая техника в наличии, даже кондиционер – правда, зачем он нужен в Новосибирске, до сих пор оставалось для меня загадкой. И ведь снимала я жилье по очень низкой цене, оказывается! То ли аренда внезапно подорожала, то ли мне тогда очень сильно повезло, но на сей раз квартира, даже более удаленная от центра и хуже обставленная, обойдется мне гораздо дороже.

За этим занятием меня и застала Марина, уже успевшая привести себя в порядок. Даже в простецких джинсах и белой майке она выглядела шикарно.

– Чем занимаешься? – спросила она, включая кофеварку.

– Дивлюсь, какая у вас недвижимость дорогая, – невесело ответила я, уставившись в телефон. Недопитый кофе уже давно и безнадежно остыл.

– Это ты еще в Москве не была. И с чем связан подобный интерес? Понравился климат и ты решила остаться здесь навсегда?

Я оторвалась от экрана и грустно вздохнула.

– Ничего себе! – Марина поставила кружку на стол и села, закинув ногу на ногу. – И как перспективы?

– Не очень. Либо другой конец города, либо мне придет-

ся звонить своим квартирантам, чтобы они оплатили следующий месяц раньше.

Подруга тут же помотала головой.

– Плохая идея. Что будешь делать, если они решать съехать? Надо исходить из тех средств, что есть.

Я протянула Марине телефон с намеченными вариантами. Как я и ожидала, она в восторг от них не пришла.

– Выбирать особого не из чего, поэтому допью кофе и выдвигаюсь смотреть.

Подруга фыркнула.

– Выбор есть всегда. Необязательно снимать первую попавшуюся. – Марина задумалась на секунду. – А что, если посмотреть двухкомнатную?

– Она будет дороже, – на автомате ответила я и зевнула. Недосып давал о себе знать.

– Нет, если снимать вдвоем, – улыбнулась подруга.

– А если ты уедешь? – спросила я, вспомнив, о чем мы говорили вчера вечером.

– Я тебе умоляю: к тому моменту ты, наверное, уже замуж выйдешь. – Марина сделала глоток кофе и взяла дольку шоколада. – Так что, ищем?

Я кивнула. Уже с помощью Мариного ноутбука мы начали искать квартиру и нашли несколько подходящих вариантов. По крайней мере, на фото они казались подходящими. Правда, не все хозяева квартир были в городе. Позвонив по одному объявлению, мы договорились об осмотре квар-

тиры. По пути я все пыталась вспомнить, какие вопросы в свое время задавали мне мои квартиросъёмщики, но это как-то утекло из памяти. Вроде их все устраивало. Я даже лиц их не помнила, как и имен, хотя я вроде бы забрала договор с собой. Да и когда я сама в первый раз снимала квартиру, я вроде никаких вопросов не задавала, не до того как-то было: крыша над головой есть, и хорошо.

Как истинные евреи в душе, мы решили начать с варианта подешевле. Пришлось немного времени потратить на дорогу и поплутать в поисках дома.

Дверь в квартиру нам открыла женщина средних лет, с короткими рыжими кудрявыми волосами и слишком яркими перламутровыми тенями, неаккуратно нанесенными на глаза. В глаза бросился алый лак, облупившийся на кое-как подстриженных ногтях. Она тут же проводила нас в квартиру и ни на минуту не замолкала, расхваливая ее: мол, мебель старая, но прочная, тогда умели делать на века, планировка удачная и так далее. Мы молча следовали за ней. Марина внимательно, разве что не под лупой, изучала все, задавала хозяйке вопросы о стоимости коммунальных услуг, о соседях, а также о бытовой технике...

Меня в целом все устраивало: главное, что была кровать и ванная, остальным я нечасто пользуюсь. Усмехнувшись своей неприхотливости, я уже была готова спросить, когда можно въезжать, но под взглядом Марины поняла, что это плохая идея. Ей определенно что-то не нравилось.

Распроставшись с хозяйкой и клятвенно обещав позвонить, мы вышли в подъезд, где Марина тут же произнесла:

– Не подходит, слишком далеко от работы. И ремонт мне не нравится. Придется повозиться, чтобы сделать из нее что-нибудь приличное.

Я едва удержалась от вопроса, зачем мы вообще сюда поехали. Я была неконфликтным человеком. Портить отношения с подругой не хотелось, да и ни к чему хорошему это не привело бы: все равно время уже потеряно.

В следующей квартире ситуация повторилась, только теперь Марине не понравилась мебель, да и хозяин – мужчина кавказской национальности – вызвал у нее какие-то подозрения. В еще одной квартире подругу не устроил размер коммунальной оплаты. В четвертой, по мнению подруги, оказалась слишком маленькая ванная комната.

Из последней квартиры я уходила заметно расстроенная. Подруга попыталась утешить, говоря, что у нас еще осталось время выбрать подходящее жилье. Про себя я отметила, что у кого-то, может быть, и осталось: Марину-то никто со съемной квартиры не выгонял, а вот у меня в запасе было чуть больше суток. Я уже жалела, что согласилась на предложение подруги, даже не предполагая, насколько она придирчива.

Мне все же удалось сдержать раздражение и проститься с Мариной, натянув одну из дежурных улыбок, которыми я обычно одаривала надоедливых клиентов. Нужно было торопиться домой, хотя бы собрать вещи.

Увы, сегодня точно был не мой день: по пути я попала под дождь. Уже хорошо, что хотя бы не под снег: новосибирская погода оказалась непредсказуемой и богатой на сюрпризы. Я промокла насквозь и замерзла. Но как же было приятно оказаться дома, избавиться от влажных вещей, запутаться в теплый махровый халат и налить себе чашечку чая!

К сожалению, времени прохладиться особо не было. Нужно было поскорее собрать вещи, да и на всякий случай посмотреть однокомнатную квартиру для себя: интуиция подсказывала, что с такой подругой новоселье будет не скоро, и это заставляло меня нервничать.

Сбор и упаковку вещей несколько затрудняло то, что из Сочи я прихватила много ненужных всего, в том числе одежды, которую никогда не носила, но было жаль выкинуть. Чем я думала, когда собирала вещи, оставалось для меня загадкой: столько всего любимого оставила там, в том числе и любимый приталенный черный пиджачок, а вот старую сумку, с которой когда-то ходила на предыдущую работу, зачем-то взяла. Правда, по приезду тут же запихнула в шкаф, уж слишком неприятные воспоминания она вызывала.

Я достала ее с антресоли, покрытую толстым слоем пыли. Выкинуть ее, что ли? Жалко, сумка была куплена на первую зарплату. На всякий случай я решила проверить ее содержимое и, расстегнув молнию, обнаружила свой рабочий ежедневник. На первой странице календаря была отмечена дата ухода в декретный отпуск.

Я вздохнула. Человек предполагает, а Бог располагает. Хотя времени было в обрез, я решила быстренько пролистать ежедневник – так сказать, пробежать по страницам воспоминаний. Попадались записи и о рабочих моментах, и о визитах к врачу, графике сдачи анализов, походах на УЗИ.

В середине я обнаружила визитку фотографа, занимающегося новорождёнными. На визитке имелась конкретная дата и даже время, когда я должна была забрать фотографии. Я несколько удивилась своей тогдашней уверенности в лучшем и попыталась вспомнить, хватило ли мне смелости позвонить фотографу и сообщить об отмене фотосессии, но так и не вспомнила. Тяжело вздохнув, я отложила ежедневник со всеми его записями и планами.

Наконец, когда все вещи были сложены в коробки, сумки и пакеты, я позволила себе отдохнуть и лечь спать.

Рано утром мой сладкий и заслуженный сон прервал звонок. До идеи поставить телефон на беззвучный режим я почему-то так и не снизошла. Жизнь меня явно ничему не научила.

Мысленно проклиная того, кому не спалось в такую рань, сонная я потянулась к телефону, совершенно не ожидая услышать счастливый голос Марины.

– Я нашла подходящее жилье, – радостно возвестила подруга, забыв поздороваться.

– Куда ехать?

– Ко мне. Представляешь, сдают в этом же доме, на

несколько этажей выше.

– Удобно.

– Да, до работы близко.

Я подумала о другом: кому-то удобно будет вещи перевозить.

На всякий случай я все-таки накидала себе несколько вариантов съемных однокомнатных квартир: что-то не верилось мне в такое счастье. Наскоро позавтракав и переодевшись, я отправилась к подруге на осмотр новой жилплощади – небольшой двухкомнатной квартиры площадью шестьдесят квадратных метров, с просторной уютной кухней, новой мебелью и свежим ремонтом. Честно говоря, осмотр меня не интересовал, просто нужно было убедиться, что мы с Мариной наконец нашли подходящее жилье.

– Ой, посмотри, какие шторы! – восторженно трещала она. – И как удачно, что тут две двуспальные кровати. На диване тебе бы спалось не очень, – сказала подруга с искренней заботой в голосе.

Помогать с переездом Марина привлекла нашего коллегу Виталика. Из-за того, что айтишник был одет в деловой костюм, чисто выбрит и немного переборщил с одеколоном, складывалось впечатление, что он не просто перевезти нам вещи приехал. Он старательно намекал на то, что новоселье не помешало бы отметить, но я честно призналась, что очень устала, и Виталик решил ограничиться походом в кино, чтобы развеяться.

Вечером мы с Мариной уже раскладывали все по местам. Уставшая, но довольная, я легла спать в своей новой комнате, однако лечь спать и заснуть оказались понятиями, друг от друга далекими. Я смотрела на белый ковер у кровати. Когда-то я хотела купить подобный в нашу с Кириллом спальню, но мужу он показался слишком марким.

Кирилл... Все-таки из головы у меня не уходил разговор с мужем. Каким-то дурацким и непонятным он вышел. Я все же набралась смелости еще раз позвонить ему. Часы показывали почти полночь, но это не умаляло моей решимости: по крайней мере, завтра перезвонит сам. Уже набирая последние цифры его номера, я задумалась: что там в конце, сорок девять или сорок семь? И чем больше думала, тем сильнее сомневалась в правильности всего номера. Я с удивлением осознала, что не помню номер мужа. Пожав плечами, я подумала, что оно, может, и к лучшему – зачем трепать себе нервы на ночь? – и наконец уснула.

Глава 8

19 сентября

Новая квартира была прекрасна, но, как и у всего прекрасного, недостаток у нее все же нашелся. Точнее, не у нее, а в самом доме: не работал мусоропровод. Но это было еще полбеды. Обнаружить, что не работает лифт, было совсем уж неприятным открытием, особенно для человека, живущего на десятом этаже. Марина хоть и пошутила, что такими темпами у нас будут идеальные фигуры, скисла уже на шестом этаже. Впрочем, расстраиваться впору было мне: пришла моя очередь выносить мусор, а значит, этот путь придется проделывать несколько раз. Да и температура на улице меня не радовала, холод я не любила никогда. Немного отдышавшись, дома я все-таки решила заняться делами и начать с самого неприятного. Накинув на себя куртку и взяв нескольких пакетов мусора сразу, я вновь отправилась в путешествие вниз по ступенькам, мысленно проклиная, местный жэк за неспособность создать людям нормальные жилищные условия.

По пути я услышала звонок телефона. Достав мобильник из кармана, я выяснила, что звонил Вадим. С нашей последней встречи он звонил только один раз, сказал, что помнит обо мне, но страшно занят.

– Здравствуй, Наташ! Как ты? – раздался в трубке барха-

тистый приятный голос. Кажется, ему действительно было интересно.

– Да вот переехала совсем недавно.

– Из-за чего?

Я пыхтела, спускаясь по ступенькам, крепко держа мешки с мусором в обеих руках, а плечом прижимая телефон к уху. Почему-то я не догадалась зайти на лестничную площадку, когда выбирала жилье. Меня только лифт интересовал. А лестницы здесь оказались довольно крутыми.

– Хозяину внезапно квартира потребовалась, – сердито произнесла, но тут же добавила более мягким голосом: – Но ничего страшного, нашла жилье лучше.

Вопрос, лучше ли?! Вот сейчас я действительно скучала по старой квартире.

– А что сейчас делаешь?

Да, замечательный вопрос! И, главное, заданный в самый подходящий момент.

– Мусор выношу, – честно ответила я. – Простые смертные иногда выносят мусор, Вадим.

Тот лишь усмехнулся в трубку.

К тому моменту я вышла из подъезда и устремилась к мусорному баку. На улице уже совсем стемнело.

– А что еще делают простые смертные? – поинтересовался Вадим.

Я наконец-то отправила пакеты в бак и облегченно вздохнула. Было темно, дул ледяной ветер, и мне не терпелось по-

скорее оказаться в теплой квартире.

– Едят, спят, ходят на работу.

Я все пыталась понять, к чему Вадиму эти пустые разговоры. Как я поняла, у него свободного времени немного. Впрочем, он не стал заставлять меня томиться в догадках.

– А простые смертные любят кататься по ночному городу?

Вадим спрашивал о встрече, но я сегодня устала и хотела отдохнуть.

– Только не сегодня, – ответила я, догадываясь, что он возразит. Вадим был из мужчин, привыкших получать все, что пожелают.

Зябко ежась от холода, я поправила капюшон на голове и уже собиралась выдвигаться в сторону подъезда.

– Поздно, Наташ. Я уже здесь.

Неподалеку засигналил черный внедорожник, который только что припарковался в паре метров от меня.

– Как ты меня нашел? – удивленно спросила я, таращась на машину.

– Могу рассказать. Правда, для этого тебе все-таки придется сесть в машину.

И мне просигналили еще раз.

Я вздохнула. Что за невыносимый человек?! Неудивительно, что у Вадима были проблемы с женой. Все-таки иногда надо и к желаниям окружающих прислушиваться.

– А аргументы – такие, как «я устала», – принимаются? – без особой надежды спросила я. – Может быть, я хотя бы

домой зайду, переоденусь?

Вместо ответа Вадим вышел из машины и, открыв заднюю дверь, застыл в ожидании меня.

– Наташ!

Пришлось садиться. Вадим довольно улыбался. Как и в прошлый раз, он был в деловом костюме, только темно-синего, почти черного цвета. От него приятно пахло дорогим парфюмом. Краем глаза я отметила, что переднее сиденье возле водителя занято достаточно крупным мужчиной в черном костюме.

– Охранник, – пояснил Вадим, заметив мой интерес. – Мода сейчас на них, без охраны никуда.

Как же! Так я и поверила. Впрочем, наличие «секьюрити» меня волновало гораздо меньше вопроса, как Вадим узнал, где я живу. Следил, что ли? Я в который раз задумалась, что не знаю, что Вадим за человек. Но тем не менее я почему-то села к нему в машину.

– Как ты меня нашел? – спросила я. А в это время водитель вывел машину на трассу, и мы понеслись по улицам вечернего Новосибирска.

Вадим продолжал улыбаться улыбкой победителя.

– Не поверишь, что можно сделать, имея всего лишь телефонный номер. Особенно если у тебя есть хорошие знакомые.

Спрашивать, кем работают его хорошие знакомые, я не стала. Все равно не расскажет. Но вот этот факт меня пугал.

Да уж, говорила мне мама: никогда не знакомься в барах, ничего хорошего из этого не выйдет.

– А что ты еще можешь? – не удержалась от вопроса я.

Взгляд Вадима был мягким, он не удержался от усмешки:

– А что тебя интересует?

Я молчала.

– Давай в ресторан «Монпасье»? – предложил Вадим.

Название ресторана было мне незнакомо, но я отлично понимала, что по таким местам не ходят в старых джинсах и в обычной рубашке в шотландскую клетку.

– Вадим, тебе не кажется, что в ресторан не ходят в той же одежде, в которой выкидывают мусор?

Он кивнул и тут же предложил:

– Хорошо, давай заедем в какой-нибудь бутик?

Я тяжело вздохнула.

– А может, все-таки домой? Или, если так хочешь, в какое-нибудь место попроще?

Выходя из дома, денег я с собой не взяла. Да и покупка нового платья в моих планах на вечер отсутствовала. Вот только как объяснить это Вадиму?

Объяснять ничего не пришлось: он и сам обо всем догадался.

– Выберешь себе что-нибудь, а я заплачу. В конце концов, это я тебя вытащил. – Вадим виновато улыбнулся.

Я лишь помотала головой. Мне не хотелось быть обязанной Вадиму. В конце концов, я его практически не знала.

А тем временем я уже видела светящуюся вывеску ресторана. И судя по тому, как выглядело здание, дресс-код какой-то здесь все-таки существовал.

– Боюсь, в джинсах сюда не пускают, – пожала плечами я. – Может быть, посидим в каком-нибудь кафе за чашкой кофе?

– Со мной пускают везде, – заметил он. – Если ли есть желание.

Вадим взял меня под руку, и мы с ним вошли в ресторан. На входе нас ждал администратор. Вадим даже не успел рта открыть, как тот сказал:

– Ваш столик ждет вас. Белый зал.

От меня не укрылось то, каким взглядом он окинул меня. Взглядом, полным удивления. Видно, Вадим привык водить сюда совсем других женщин.

Зал оказался небольшим, всего лишь на десять столиков. Весь декор был выполнен в светлых пастельных тонах, посреди зала журчал миниатюрный фонтан в форме ангела. Играла живая музыка. Я с удивлением обнаружила в зале пианино, за которым играл музыкант. От печальной мелодии щемило сердце. Людей было немного: всего лишь несколько столиков были заняты мужчинами в костюмах и девушками в вечерних нарядах, блиставших дорогими украшениями. Я в своей яркой красной рубашке в эту атмосферу совсем не вписывалась. Впрочем, уверена, что и в джинсах сюда никто до этого не являлся. Поэтому для меня не стало

сюрпризом, что всю дорогу до столика я чувствовала на себе взгляды женской половины зала и слышала перешептывания за спиной. К моему большому сожалению, наш столик находился у окна и был отлично виден всем.

Отодвигая мне стул, Вадим спросил:

– Может, все-таки стоило согласиться на бутик?

Я хмыкнула:

– Это не самое страшное в моей жизни.

И это было правдой. Как говорится в одной старой поговорке, «все познается в сравнении»: после пережитого мне многое казалось мелочью. В том числе и официант в белоснежной рубашке с бабочкой и в брюках, окинувший меня удивленным взглядом, перед тем как принять заказ.

– Но все-таки стоило предупредить.

Я злилась. Если бы не Вадим, я не попала бы в такую ситуацию. Но его моя злость, похоже, забавляла.

– Ты могла согласиться на бутик, – упрямо заявил он. – К тому же не получилось бы сюрприза, а я не люблю, когда мне кто-то что-то портит.

Нам принесли вино, и Вадим сам наполнил мой бокал. По его словам, побывать здесь и не попробовать вино было бы преступлением. Впрочем, в этот же список можно было внести целый перечень блюд. Еду принесли достаточно быстро. От запаха и одного вида у меня потекли слюнки.

– Эх, а я обещала с подружкой вместе на диете посидеть.

Вадим, уже приступивший к жаркому, ответил:

– Ешь, я честно ничего ей не скажу, – усмехнулся он.

Вечер понемногу становился все более приятным и непринужденным. Официант подливал вино, мы с Вадимом смеялись и шутили, разговаривали обо всем на свете, в том числе и о путешествиях. Как выяснилось, он побывал и в Сочи, в моем родном городе, и мы, естественно, начали спорить о том, который город лучше.

– Объясни, почему все-таки здесь лучше? – в который раз за вечер спросила я. – Здесь же так холодно.

– Мы оба здесь. Ты почему-то уехала из Сочи.

Пришлось сдаться, хотя я отчаянно не любила проигрывать.

С Вадимом было удивительно легко, несмотря на разницу в возрасте и образе жизни. Если что и портило вечер, так это две девушки, сидевшие за соседним столиком и громко хихикавшие о чем-то, потягивая коктейли. В перерывах между этими занятиями они буравили меня сердитыми взглядами.

Вадиму позвонили, и он решил выйти, чтобы поговорить без лишних помех. Он отсутствовал каких-то пять минут. Когда он вернулся, на нем лица не было.

– Что случилось?

– Она сбежала, – сказал Вадим мертвым голосом, глядя в никуда.

Мне не потребовалось спрашивать, о ком он говорил: я сразу поняла, что о своей супруге.

– Сбежала с моим ребенком, – сердито добавил он, под-

твердив мои догадки.

– Что ты будешь делать?

– Ее найдут, Наташ, – уверенно произнес он. – Ее все равно найдут. Ей не спрятаться от меня. И она это отлично знает. Глупая девчонка! Чего она добивается этими выходками?!

Он не выдержал и стукнул кулаком по столу.

Сейчас Вадим меня пугал. В его глазах я видела ярость, а то, с какой уверенностью он говорил, показывало: этот человек способен на все. Его жене можно было лишь посочувствовать.

– Ее можно понять, Вадим. Ты хочешь отнять у нее ребенка. В ее ситуации я поступила бы точно так же.

Вадим пораженно посмотрел на меня, как будто увидел впервые. Мне стало не по себе.

– Ты? У тебя разве есть дети, Наташ? – тихо спросил он, смотря прямо в глаза.

Я лишь помотала головой.

– Это не мешает мне понять.

– Просто все это... – Вадим закрыл лицо руками. – Все это слишком. Слишком мерзко.

Хотелось его хоть как-то утешить, похлопать по плечу, но расстояние не давало мне это сделать.

– У тебя хотя бы есть ребенок. Поверь, бывает хуже, – произнесла я, опустив глаза.

И я рассказала ему свою историю. Вадим внимательно

слушал и молчал.

– Кирилл был идеальным, таким заботливым. Я и подумать не могла, что он может так измениться...

– Идеальным?

– Лучшим из мужчин. Оригинальным, умеющим слушать, поддерживать. По крайней мере, я так считала.

Что-то непонятное блеснуло в глазах у моего собеседника. Он положил свою руку поверх моей и спросил:

– Могу ли я чем-нибудь помочь? Может быть, нужен хороший врач?

Как всегда, рыцарь без страха и упрека, готовый броситься на помощь даме.

Я лишь ответила, что ничего не нужно.

– Прости. Ты, наверное, хотела обо всем этом забыть?

Я грустно улыбнулась и отвела взгляд. Взяла в руки бокал вина и взболтнула, любуясь оттенками напитка. Если бы все было так легко. Забыть хотелось, но не получалось. На прошлой неделе одна из сотрудниц, находящаяся в декретном отпуске, пришла к нам в гости, да еще не одна, а с двухмесячным младенцем. Разумеется, в приемную тут же набилась толпа желающих посмотреть на малыша, а я, только что вышедшая из кабинета начальницы, попросту не успела сбежать. Молодой маме понадобилось срочно достать что-то из сумки, и она попросила меня подержать малыша. Не дождавшись ответа, она вручила ребенка мне в руки, еще и похвалила, что держу правильно. Это было странное чувство –

держат чей-то теплый, но хрупкий комочек счастья. Лишь Марина, взиравшая на меня с ребенком, покачала головой, а наедине предположила, что у меня нездоровая любовь к самоистязанию.

Вадим вздохнул и посмотрел на меня.

– Эх, слишком хороший ты человек, Наташ. Светлый.

***

Марина зашла ко мне в кабинет, молча положила папку с утренней почтой и вышла, не произнеся ни единого слова. Она все еще злилась на меня, потому что я не предупредила ее, что уйду на свидание. Эх, если бы я сама об этом знала! Но я все-таки написала подруге сообщение, что задержусь, пока мы с Вадимом ехали в ресторан.

Однако в квартире меня все-таки ждала разъярённая подруга, которую, по всей видимости, сообщение не очень-то успокоило. «Да мало ли кто его писал, могла бы и позвонить», – заявила мне Марина. Я надеялась, что подруга не будет дуться долго из-за таких пустяков.

Но когда открыла папку с документами, тут же перестала об этом думать, увидев первый лист. Я ведь совсем позабыла, что Марина обещала достать его. Но она даже не предупредила меня, не произнесла ни слова.

Руки предательски дрожали, а я продолжала смотреть в одну точку. Один лист, всего один лист стандартного размера, с черным стандартным шрифтом. Один лист, который когда-то ознаменовал перемену всей моей жизни.

Я почему-то представляла это иначе. Интересно, чего я хотела? Чтоб мне прислали целую книгу? Со всеми моими чувствами и мыслями и с ответами на главный вопрос: почему со мной такое произошло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.